

И. Ф. Наживин

Мужики Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н18

Н18 **Наживин И.Ф.**
Мужики Часть 2 / И. Ф. Наживин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 368 с.

ISBN 978-5-519-16355-2

Собрание сочинений И. Ф. Наживина.

ISBN 978-5-519-16355-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МУЖИКИ

I.

Изо дня в день, из года в год в довольстве и роскошестве всяком, окруженный теплой любовью, рос маленький мужичек, Ваничка, и с каждым днем все шире и удивительнее раскрывался пред ним необъятный мир. Детская, игрушки, маленькие сестры, нянюшка, все это было обыкновенное, повседневное, в чем ничего удивительного нет, но как широко раскрылись его темные, строгие глаза, когда, уже научившись бегать, он обманул как-то бдительность старших и забрался на конюшню. Там приятно пахло навозом и экипажами и в таинственном сумраке он увидел вдруг за решетками блестящие, огромные зады любимцев отца, хреновских рысаков. И в этом пахучем, сумеречном и таинственном мире жило удивительное существо, которое до сих пор Ваня видал только на козлах и которого называли то Ефим, то кучер. То, что огромный, бородатый, но добродушный гений этот может „править“ такими страшными и в то же время неодолимо привлекательными существами, как лошади, внушало Ване безграничное уважение и почтительную любовь и, если он не воздавал Ефиму божеских почестей, то только потому, что не знал, как это делается.

И не успел Ваня переварить, как следует, впечатления от этого нового, немножко страшного, но влекущего мира, который называется конюшней, и в котором живет добрый гений кучер, как судьба ввела его и в другой

мир. Он оказался как-то на коленях матери, — тепло, мягко и пахнет так знакомо — у окна в голубой комнате, которую все звали гостиной; перед ним сидит чужой дядя в страшно блистающих при всяком движении очках. Мать весело разговаривает с своим ненаглядным сынком и потихоньку засучивает рукав его рубашенки, а чужой дядя возится с какими-то блестящими ножичками и что то очень уж подозрительно подмазывается к Ване.

— Вот и прекрасно. — слащаво говорит он, вдруг мазнув ваткой по обнаженной ручке Вани. — Ну, и сынок же у вас, Дарья Пегасьевна! Таких молодцев поискать еще. За это вот мы ему сейчас на ручке коняшку нарисуем, а потом птичку, а потом.

Он больно кольнул в ручку своим блестящим ножичком и Ваня вскрикнул. Мать, успокоивая, жарко целовала его, а на глазах ее были слезы: его маленькая боль отозвалась в ее сердце болью большой.

— Да ты смотри, смотри: сейчас коняшка будет. — неприятно подмазывался чужой дядя. — Чуть-чуть потерпи только. У-у, какой коняшка!.. Ну, смотри, смотри...

Но вместо коняшки опять острый укол и капелька крови на ручке, и в два голоса чужой дядя и плачущая мать уговаривают его жарко, убедительно, под дождем поцелуев потерпеть еще чуточку и тогда уже наверное получится и коняшка, и птичка, и все. И Ваня, захлебываясь слезами, но полный желанья видеть таинственное рождение лошадки у себя на руке, вытерпел еще укол. Но когда и на этот раз коняшки не получилось, он, в праведном гневe на обманщика - дядю, вырвал у него ручку и, уткнув мокрое лицо в теплую грудь матери, залился слезами не столько от боли, которая, по совести, была незначительна, сколько от сознания, что он дал так обмануть себя. И он не мог понять, как в таком

обидном обмане могла участвовать мамочка. И решил, что дядя обманул и ее.

— Ну, вот. Ну, вот. — в два голоса уговаривали они его. — Ну, вот и все. Теперь надо только ручку завязать, а когда она заживет, тогда тряпочку снимем и ты увидишь и коняшку, и коровку, и птичку, и все.

Потом, по - очереди, обманули так же и обеих его сестренок и он, слушая жалобный плач их, крепко сжимал кулачки и в больших глазах его бегали черные молнии гнева.

Потом пришел жар, недомогание, беспокойство бедной мамы, а потом тряпочку сняли, но никакого коняшки, понятно, там не оказалось, и Ваня записал в маленьком сердце своем, что есть еще какой-то неведомый ему мир, в котором живет злой и лживый гений, которого зовут то доктором, то Сергей Сергеевичем. Когда он, бывало, расшалится и не хочет слушаться, то нянюшки и мамушки страшали его тем, что его может унести с собой в мешке „вавашка“ — какое - то смутное, злое существо, которое живет под диваном, под кроватями и вообще по темным уголкам. И Ваня понял, что мир не всегда бывает добр к человеку и что опасностей и бед человек может ожидать со всех сторон, и от лживого доктора в страшных очках, и от родственного ему вавашки. . .

Вообще в мире взрослых было много непонятного и сами они иногда бывали необычайно бестолковы. За большим садом, у серого забора были, например, положены на земле какие-то стеклянные рамы, в которые очень хотелось запустить камнем. Но няня сказала, что это никак нельзя, потому что это парники.

— А зачем? — спросил Ваня.

— Вот под этой рамой редиска будет. . . — отвечала она. — Видишь зелененькие листочки? Это редиска. . .

А тут вот огурцы вырастут. Также появятся скоро зелененькие листочки, а потом вырастет и огурец.

Это было поразительно: нет ничего и вдруг будет огурец! Ваня воспользовался первой свободной минутой, улизнул в сад и залез под раму парника. Там было очень тепло, пахло приятно, как в конюшне, и он, скорчившись, стал ждать появления огурца. Издали слышал он тревожную суету вокруг дома, крики, беготню; он догадывался, что это ищут его, но он был слишком поглощен огурцом, чтобы обращать на это внимание. Огурец медлил и Ваня сладко уснул на теплой и мягкой земле. . . И вдруг слышит он, что его берут, что его несут, что вокруг него звенят счастливые голоса. Он недовольно раскрыл глаза.

— Злой ты мальчик, нехороший мальчик! . . — страстно прижимая его к себе, говорила мама, вся в слезах. — Как же можно делать такие глупости? Ведь я думала что ты убежал за ворота, что тебя украли, что тебя задавили. . . Как же можно так?

И няня тащила его к себе, — она тоже была вся в слезах — но мама не давала. И по всему дому стоял радостный крик и смех: нашли, нашли! . . А он не понимал: позвольте, может человек заниматься своими делами и интересоваться огурцом или не может? Почему такой крик? Почему такой шум?

И он все свое внимание посвятил парнику. Огурец не обманул, пришел и это было поразительно: вдруг нет ничего и вдруг огурец! Но еще поразительнее огурца была смерть деревенского дедушки Ивана.

В это утро только что выпал снег, такой свежий, такой пахучий, городской шум сразу стих и мимо окон по белой улице вместо дребезжащих пролетов весело побежали санки. И вдруг в доме поднялась тревожная суета: из деревни пришла телеграмма, что дедушка Иван,

папин папа, помер. Ваня отлично помнил его: у него была такая чудесная белая борода, на ногах удивительные расписные валенки и так вкусно от дедушки пахло всегда сдобными деревенскими лепешками. Дедушка любил сажать его на колени и непременно хотел, чтобы внучек — дедушка по-деревенски говорил мнучек — ехал бы с ним в деревню: там у него есть и коровки, и жеребятки, и пичужки всякие, а в реке рыбки, а на лугах — цветы. И вот этот ласковый дедушка в удивительных сапогах вдруг „помер“.

— Маи, а что такое помер? — поднял Ваня на маму свои строгие, большие глаза.

— Что такое помер? — рассеянно отвечала мама, укладывая в чемодан папины и свои вещи. — Таня, а где же теплые носки для Никиты Иваныча? Нет, давай и их сюда, чтобы все к одному, не рыться. Вот мы с папой уедем сегодня. — вдруг бросив укладку и совсем забыв о вопросе сына, заговорила мама, прижимая его к себе и целуя. — Так ты смотри, будь паинька. Хорошо? Главное, к форточкам не подходи и никуда, никуда один не бегай! Хорошо? А то, если с сынком моим случится что, маме будет очень, очень больно и она будет плакать.

И снова она крепко прижала его к себе...

И вместе с озабоченным и расстроенным папой она уехала в коляске на какой-то вокзал и в этот вечер не она, а няня перекрестила его на сон грядущий в постельке беленькой, а утром не она, а няня приняла его, теплого и сонного, на руки из кровати. И весь день не было ни папы, ни мамы, и было пустынно, и жизнь нескладно моталась из стороны в сторону. Добиваясь своего, Ваня у всех спрашивал, что это значит, что дедушка помер, но никто, даже Бфим, не мог этого ему толком объяснить, и в нем впервые родилось подозрение,

что я взрослые, несмотря на всю их самоуверенность, далеко не все знают и что даже кучера далеко не так могущественны, как это ему сперва показалось. И еще строже стали его темные, спрашивающие глаза.

А потом, дня через три, он проснулся утром, раскрыл глаза и увидел около своей кровати маму, которая, вся в черном, но румяная, сияющая, стерегла его пробуждение. Сразу в нем все осветилось, согрелось и с криком „мамочка!“ он бросился к ней, и она чуть не задушила его своими поцелуями. И от нее восхитительно пахло морозом. И папе — он тоже был весь в черном — он тоже был рад, но все же не так, как маме, потому что он хорошо чувствовал, что мама с ним вся, а папа не весь, а только кусочек, и что он для мамы все, ну, как шар, круглое, а для папы только ломтик чего-то большого, вот как в апельсине.

И опять с мамой в жизни стало полно, тепло и уверенно. И вечером, когда он лежал в кровати, а около него темнела в кротком свете лампадки мама, он тихо спросил опять о том, что его занимало:

— Мамик, а как дедушка умер?

Он уже спрашивал не „что такое умер“, как — может быть, так будет им яснее.

— Какой он теперь? — добавил он.

— Спи, спи, милый... — тихонько, успокоительно отозвалась мать. — Спи, золотко мое.

— Мамочка, милая, ска-ажи...

— Ах, какой ты!.. Ну, как умер? Как все умирают... — затруднилась мать и Ваня отлично видел, что она затрудняется. — Ну, хворал сперва, потом стало ему хуже, хуже, а потом. все кончилось.

— Что все? Как кончилось?

— Ах, какой ты!.. Ну, дышать перестал... двигаться перестал... Холодный весь сделался...

И Дарья Пегасьевна с неудовольствием почувствовала, что она, как Ваня, ничего не знает. .

— И что же вы с ним сделали?

— Сперва в гробик его положили, а потом на кладбище, на Пантюки, его отнесли. .

Молчание — непонятно, жестко, страшно.

— И он никогда больше не придет к нам?

— Нет, не придет уж.

Молчание. Очень страшно. И огромно, больше дома, больше сада, больше неба.

— Мам, а я умру?

— Ой, да какой же ты нехороший мальчик! — вся затрепетала мать. — Спи, а то я уйду. . — попробовала она быть строгой.

Ваня знал, что она часто пробовала это, но никогда у нее из этого ничего не выходило.

— Хорошо, я буду спать. — сказал он. — Только скажи: я умру?

— Все умирают. . — печально дрогнула она голосом.

— И что потом?

— А потом. . потом идут все к Боженке на небо.

Молчание. Не страшно, но очень огромно и торжественно. И вспомнился огурец в парнике, взявшийся из ничего.

— Спи, мой мальчик, спи.

Он молчал. Посидев, она привстала и заглянула в постельку. Он спал. И, как всегда, залюбовалась она его личиком маленьким, умильным и этим большим лобиком, и захотелось ей, как всегда, зацеловать его всего. Но она, сдерживая себя, только чуть прикоснулась к лобку его губами, перекрестила его и на цыпочках вышла. А когда затворилась за ней дверь, он открыл глаза и стал смотреть на тихо сияющую лампадочку и

на торжественные лики боженек за ней, и в маленькой душе опять было огромно и торжественно. И он строго смотрел в теплый сумрак детской своей и думал, думал, — точно огонек чистый пред престолом Тайны сияла в тишине маленькая душа человеческая...

А на другой день нечаянно подслушал Ваня разговор:

— Уж так - то хорошо, так - то хорошо помянул братец папашу, что и сказать нельзя! — медлительно рассказывала кому-то тетя Пелагея, старшая сестра папина: она была выдана в Сибирь, где они поразбогатели и недавно перебрались в Москву. — Народку со всех деревень привалило видимо - невидимо и до самой церкви, а оттуда на кладбище заводские на руках гроб несли. А гроб был хороший, старинный, колода дубовая, — его батюшка сам давно еще себе приготовил. Из городу анхирей со своими певчими приехал — торжественная служба была.. А потом поминки — вся округа поминала... Ну, конечно, были которые и такие, что на ногах потом не стояли, рады на даровщинку нахлестаться - то, но все-таки так помянул братец папашу, так помянул, что надо бы лутче да некуда... Все индо диву дались, видевши такое его сыновнее усердие... Еще чашечку, нянюшка?

— Благодарю покорно, Пелагея Ивановна, накушалась...

— Ну, накушалась... Выпей еще, а я вот тебе вареньица положу... А тем временем, может, и Даша подъедет..

Ваня тихонько рассердился на них: дедушку зарыли, дедушка никогда не придет, а они чай с вареньем пьют! И на больших, строгих глазах выступили слезы, горло сжало что-то и, забыв о страшном вавашке, Ваня забился за диван в гостиной, — его любимое местечко

для размышлений — и опять стал думать о дедушке, о смерти, о Боженьке. Ему казалось, что думать об этом самое главное, — главнее даже, чем быть кучером, о чем он так горячо мечтал, бывало. Впрочем, обаяние кучеров пошатнулось для него, когда он убедился в бессилии Ефима перед тайною смерти... Он понял, что и Ефим, несмотря на то, что он так грозно вопит на всех „эй, беррегись!..“, такой же человек, как и все.

II.

Не прошло и нескольких месяцев, как на тревожные вопросы мальчика, оставленные взрослыми без ответа, ответ дала жизнь. В начале мая, когда даже в каменной тесноте Москвы слышалась радость весны, у мамы родилась маленькая дочка. Сперва была в доме радость, но она быстро-быстро потухла и началась тревожная суэта, которая стала с каждым часом нарастать. Из неизвестного мира появился враг Вани, доктор или Сергей Сергеич. Потом вскоре появились другие такие же торжественные дяди в черных сюртуках. По всему дому сильно запахло чем-то. То-и-дело приезжали родственники. Огромный Пегасий Иванович и Анфиса Егоровна и ночевали тут. И чем дальше, тем все меньше и меньше обращали все внимания на Ваню. Это было очень удивительно: раньше он чувствовал, что любовь текла к нему со всех сторон. А то, новое, тревожное, жуткое, все нарастало, нарастало, нарастало—так, что становилось иногда даже страшно.

Потом тетя Пелагея, такая большая, дородная, от которой всегда хорошо пахло духами, и папа с новым, исхудалым лицом и отсутствующими глазами, в сопровождении плачущей почему-то няни, всех деток в мамину спальню повели. Там был беспорядок и пахло густо и нехорошо. И на белой, широкой кровати, на которой любил иногда играть около мамы Ваня, лежала мама. Лицо ее было красное, тонкие волосы прилипли к потному лбу и глаза горели, как звезды. И она сперва слабо улыбнулась—было деткам, ободряя их, а потом вдруг из глаз ее брызнули крупные слезы, она замахала